

Вологодские губ. ведомости.

1900. 26 января. № 25.

С. 2-3.

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ.

Прочитавшая в журналах и газетах вологодских литературных обозрений за тот или другой истекший год, мы уже давно привыкли к жалобам на упадок художественного уровня текущей издательской литературы.

А между тем те же журналы и газеты, в своих объявлениях о подписке на каждый новый год, на первом месте занимают жирным шрифтом: «в беллетристическом отделе в таком то году будет напечатано, между прочим, то-то и то-то».

Литературные обозреватели жалуются на оскудение литературы талантами, редакторы общаются ряд «художественных» произведений «известнейших» писателей, а читатель слушает жалобы и ждет исполнения обещаний...

Провинциальными библиотекарями хорошо известно, что читатели, в жаждою набрасывающиеся на каждую новую книжку журнала «это истинный интеллигент», которого тонит тишина будничного прозябанья изо дня в день, — который желает

знать, как же люди живут, а если не так, то как же именно. О чем они думают, что их волнует, радует и печалит!

Они, этот читатель, не довольствуется разбросанными по газетам фактами, сообщаемыми нашей корреспонденцией со всех сторон и ищущими то или иное общественное значение. Ему нужно осмыслить, обобщить эти факты, увидеть более или менее стройную и ясную картину жизни.

Грушировкой жизненных фактов и осмыслением их с различных точек зрения занимается публицистика. Но уже самое присутствие в ней этих различных точек зрения спускает обыкновенного среднего читателя, который знает, что в печати существуют так называемые направления, а это последнее обстоятельство, в свою очередь, часто заставило его подзвывать в публицистических статьях или односторонний подбор фактов, или признание или публицистическое одностороннее осмысление.

Беллетристика же сообщает читателю о радостях и печалях его современников,

сообщает «образно» и тем самым заставляет его переживать то, что живут другие. Читатель шаг за шагом мысленно, в конце, — если можно так выразиться, — повторяет творческую работу писателя, сживаясь с ним, становится «читателем-другом».

И беллетристика, в большой или меньшей степени удовлетворяет его потребности в общении с людьми, разбросанными в разных краях земли. Но бывают на улице читатели и особые праздники. Порой, а также по счастливому стечению обстоятельств, в их продолжение целого ряда лет, целой эпохи, появляются писатели, в сильных и ярких образах художественно отражающие явления общественного движения, основные психологические черты своего народа, поскольку они проявились в данной исторической момент. Такие писатели имеют национальное, непреходящее значение. Их прозвучание уже не беллетристика, а поэзия в широком смысле этого слова. Как же определить понятия поэзии и беллетристики?

Но пусть на этот вопрос, уже затронутый Вяземским, ответит нам проф.

Овсянко Куликовский, талантливый и оригинальный автор статьи которого по истории литературы уже давно отмечены читающей публикой.

«То и другое, — говорит названный автор в одной из своих новейших статей, — одинаково есть мысленные образы (лирику мы оставляем пока в стороне). Стало быть, различия нужно искать только в характере самих образов: в поэзии образы не такие, как в беллетристике. Выкапывая дело, мы легко убедимся, что это различие существовало принципиально: образам беллетристическим не суть как бы только разнообразие художественных, или образов с неосуществленной, неудавшейся художественностью; те и другие различны по своему типу и строю, они суть продукты весьма несходных умственных процессов. Образы художественные или чужие создаются процессом индуктивным от частного к общему. Они всегда обобщают. Образы беллетристические получают путем дедуктивным и являются только иллюстрацией уже готового обобщения или какой бы то ни было мысли. В согласии с этим поэзия есть

по преимуществу синтез, а беллетристика по преимуществу — анализ. Это различие наиболее ярко проявляется и, стало быть, легче может быть замечено в создаваемых героях. Образцы настоящего художественного синтеза — *Дом-кхонт*, *Гамлет* — и образцы беллетристического анализа — *Фигляр*, *Медведь* и т. д.»

В только что цитированной статье проф. Овсянко-Куликовский, рассматривая вопрос, основательный для установления об оскудении нашей современной литературы, отмечает на него отрицательно, указывая при этом на Короленко, Чехова, Горького и Чиркова, как на дарованья преимущественно художественные, а не беллетристические.

И приближаясь к обзору нашей современной литературы, и не хотел поддаться своему замечанию с читателями газеты, издающейся в городе, с которыми я сижу на долгие годы, проведенные мною в нем...

Но соглашаясь с вышеупомянутым критиком во взгляде на Чиркова, талант которого мне кажется всеобщим и всепродвиженным, скажу несколько слов об

остальных трех и некоторых других, почему то не остановившись на себе внимания почтенного критика.

Уже давно Короленко и Чехов, а в последнее время и Горький пользуются широкой популярностью среди читателей. Это, действительно, крупные художественные таланты, причём второй из них, быть может, в некотором отношении по силе дарования корифей богатой русской литературы. Каждый новый рассказ Чехова читается нарасхват, задвигает самые тонкие струны, обнаруживает самые далекие тайники в душе современного русского человека и с поразительно художественной простотой вскрывает в ней психологическую правду.

Короленко, в отличие от Чехова, не психолог. Это бытописатель, по преимуществу, с чуткой душой, с отзывчивым сердцем и с удивительно лёгким и лёгким, орудиями и поэтическим колоритом, твёрдо-развивающимся по его «Очеркам и рассказам». Его герои — угнетённые и оскорблённые, вшедшие в него горячего защитника своих прав.

Вологодские губ. ведомости.

1900. 26 января. № 25.

С. 2-3

Горький открыл читателям целый мир — мир с сикона, или „золоторотцев“. Газетеря аркашь фигурь отщепенцев общества прошла предъ читателями, а то-кливо сжалось их сердце при видѣ этихъ художественно вырисованныхъ лицъ, — сжалось за бездельную жизнь этихъ „пропадающихъ силъ“. Въ прошломъ году въ журналѣ „Жизнь“ печаталось первое его крупное произведение — повесть „Она Гордѣна“. Оставила въ сторонѣ цѣлкія пороки-сти изъ на постройкѣ, можно сказать сѣло, что эта повесть, выводящая цѣлкія рядъ вынонъ стараго и новаго кудчества, среди вдохновенно описанныхъ картинъ Поводья, — представляетъ выстѣ съ „Воскресеніемъ“ Льва Толстаго крупнейшее явленіе въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить еще о новыхъ писателяхъ: Накрохантѣ, Версентѣ, Чириковѣ и другихъ. Но откладывая это до слѣдующаго раза, а пока и названія три литературныхъ имени могутъ ускользнуть изъ памяти читателей нашей литературы. Нѣтъ, не она упала, а осложнилась жизнь. И чуткіе художники еще не могутъ во всей

полнотѣ уловить ее характеристическія черты. Но уже и то, что привнесъ въ литературу этихъ текучихъ журналовъ, составляетъ намъ подспорье, ждемъ и ждать...

Будемъ надеяться, что ближайшее для современныя нашихъ писателей, — какъ современныя нынѣ, такъ и с.р. Маминъ-Сибирякъ, Альбомъ, Станиславъ, Барановичъ, Миклуличъ и другихъ, — подаритъ намъ въ наступающемъ году свои произведенія, а тогда постараемся дать о нихъ отчетъ въ этихъ мысляхъ и чувствахъ, которыя выманились и выносятся изъ насъ насъ.

А пока, отъ души привѣтствуя редакцію программы „Вологодскихъ Губернскихъ Ведомостей“, я хочу бы себя счастливымъ, если бы мои скромныя заметки о литературѣ помогли некоторымъ изъ читателей уловить верный путь къ исканію новыхъ художественныхъ изслѣдованій въ той прекрасной области, которая называется современной литературой и гдѣ скрыто много, много богатыхъ кладовъ.

Евгеній Чернышевъ.